

Влияние природно-географических особенностей Крыма на формирование некоторых характерных черт традиционной крымской культуры: матрица взаимодействия между «местными» и «пришлыми» этносами на полуострове

Надир Бекиров

(ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова»)

Фарит Шакуров

(Институт международных отношений Казанского федерального университета)

Аннотация. В российском крымоведении к середине XX века сложилась тенденция рассматривать историю Крыма как процесс тотальной смены исторических этносов, когда-либо посетивших Крым и проживавших в нем на протяжении от нескольких десятилетий до нескольких тысячелетий столетий и впоследствии бесследно исчезнувших либо в силу неких невыясненных обстоятельств, либо, чаще, в результате полного уничтожения или замещения их вновь прибывшими этносами. Это в значительной мере порождено и поддерживалось политическими соображениями, когда массовая депортация 1940-х годов некоторых коренных народов Крыма и Северного Кавказа «оправдывалась», в том числе их неким неместным происхождением. Эта точка зрения совершенно не согласуется с установленными к настоящему моменту историческими фактами и взглядом на историю как социоестественный процесс. Природно-географические условия Крыма объективно порождали ситуацию, когда пришлые этносы вынуждены были вступать в контакты, сотрудничать и смешиваться в культурном и биогенетическом смысле с местным к тому времени населением Крыма. Это стало главной тенденцией в генезисе традиционной крымской культуры и формировании коренных народов Крыма в том виде, как они сложились к концу XVIII века. Механизм воздействия этих факторов и сложившаяся под их влиянием матрица взаимодействия между «местными» и «пришлыми» этносами в Крыму анализируется в этой статье.

Ключевые слова: крымская культура, коренные народы Крыма, крым-

моведение, межэтническое взаимодействие, крымские татары, караимы, крымчаки, урумы, румеи, крымские армяно-кыпчаки, крымские христиане.

Для цитирования: *Бекиров Н. В., Шакуров Ф. Н.* Влияние природно-географических особенностей Крыма на формирование некоторых характерных черт традиционной крымской культуры: матрица взаимодействия между «местными» и «пришлыми» этносами на полуострове // Крымское историческое обозрение. 2021. № 2. С. 115–133. DOI: 10.22378/kiо.2021.2.115-133

1. Постановка проблемы

Тема возникновения и становления крымской культуры практически не ставилась в научной литературе. Говоря «крымская культура», мы имеем ввиду не совокупность различных видов и форм культурной и хозяйственной деятельности, бытующей в современном крымском регионе, а феномен, который развивался на этой территории с древнейших времен, обретая в ходе своего развития уникальные, неповторимые черты, содержание и характеристики, отличающий ее, делающий самостоятельным, отдельным и самоценным явлением в ряду других явлений мировой культуры (античной, европейской, азиатской, российской и т. п.).

Вместо этого как в научной, так и популярной литературе часто говорится, например, о греческой, скифской или готской культуре в Крыму (перечень может быть продолжен), которые, в свою очередь, более рассматриваются в контексте их первоначального происхождения или определения, и менее всего в собственно крымском контексте. Методологически это связано с тем, что у любой человеческой культуры есть (или был, если речь идет о мертвых культурах и языках) носитель, определением которого никто не занимался или не считал нужным заниматься.

Связано это было, представляется, не столько с научными, сколько с политическими факторами, что, к сожалению, продолжается и в настоящее время. Отсюда сформировался взгляд на культурную, этническую и политическую историю Крыма как на последовательность «смен населения», государств и режимов, и, соответственно, отсутствие культурной преемственности, целостности генезиса и ее существование как таковой. Такой подход условно можно было бы назвать «теорией выжженной земли», когда каждая последующая эпоха в истории Крыма трактуется как начинающаяся с нулевого уровня в демографическом, хозяйственном, социальном и этнокультурном отношении. В его крайнем выражении, такой взгляд можно было бы назвать «теорией череды геноцидов», когда утверждается или, как минимум, предполагается, что смена этнических названий в населении Крыма является следствием тотального уничтожения прежних насельников и «до основания» разрушения их культуры.

Безусловно, это дает совершенно ложные ориентиры не только в узко научно-историческом понимании, но и в массовом сознании как современного крымского населения, так и в более широком социальном контексте. Ошибки ученых становятся «базой» для неудачных управленческих и правовых решений. В этом смысле научно-популярная литература становится фактором внедрения в общественное сознание ложных, иногда даже конфронтационных или деструктивных стереотипов, что никак не способствует межэтническому и гражданскому согласию и взаимопониманию.

Такое «понимание» истории Крыма демонстрирует, например, следующее утверждение, содержащееся в академическом исследовании 2016 года: «...крымские татары не являются первопоселенцами на полуострове, но скорее, – потомками завоевателей, истребивших и обративших в рабство местное население (тавров и половцев)» [11, с. 56]. Как бы читатель ни относился к концепции «татаро-монгольского» нашествия XIII века, но истребить и обратить в рабство тавров, которые перестали существовать как отдельный этнос во II–III вв. н. э. [8, с. 24], они ну просто никак не могли, что совершенно не смущает автора, освоившего грант Российского научного фонда. С теми или иными незначительными отклонениями подобную точку зрения навязывают читателю и иные авторы: «...в 1475 году княжество перестало существовать, полностью уничтоженное турками, а его территория стала непосредственно турецкой и превратилась в турецкий кадылык – округ» [1, с. 48]. «Захват Крымского полуострова был осуществлен в обычной монголо-татарской манере – половцы, жившие в Степном Крыму, были уничтожены или подчинены, города и поселения сожжены» [1, с. 49]. «Достигнувшие Третьей гряды Крымских гор германцы уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения, разрушив в Предгорном Крыму его столицу Неаполь, городища Усть-Альма, Алма-Кермен и поселения» [5, с. 167]. «В VII в. до н. э. скифы почти полностью вытеснили киммерийцев из Крыма» [10, с. 4]. «Полновластному владычеству скифов на полуострове положили конец племена сарматов в первой половине III века до нашей эры. Археологи находят следы настоящей катастрофы: были сожжены и разрушены сотни поселений, их жители погибли» [2]. При этом практически всем историкам, кроме данного автора, известно, что скифы в Крыму исчезают только в III веке уже нашей эры! Но хронологическая корректность для таких исследователей вообще не представляет интереса (разница в полтысячелетия – пустяк). Главное – пожары и гибель, желательно – всех до последнего.

При этом является абсолютно установленным историческим фактом, что к моменту появления российской военной администрации на территории Крымского полуострова на нем проживало нескольких народов: крымские татары-тюрки мусульмане, караи – тюрки караимского вероисповедания,

иудей-раббаниты, говорившие также по-тюркски, получившие впоследствии имя «крымчаки», урумы – тюрки православные, румеи – православные (бывшие подданные Восточной Римской империи), говорившие на особом наречии, не совпадающем ни с древнегреческим, ни с новогреческим языком, армяно-кыпчаки [6, с. 24], тюркоязычные, последователи армянской апостольской церкви. Именно российская администрация вывезла под конвоем из Крыма три последних народа [9]. Это было очень «некрымское» поведение» пришельцев, как мы покажем ниже. Причем общая их численность (так называемых «крымских христиан») на лето 1778 года достигала, как минимум, 31 тысячу человек, не считая всех остальных. Их не вытесняли ни крымские татары, ни турки, ни кто-либо другой из тех, кто жил в Крыму. Так был создан реальный и документированный прецедент первой этнической чистки в Крыму. Возможно, идейно он и лег в основу будущей концепции уничтожения или вытеснения этноса этносом

Логически возникает неразрешимый парадокс: все всех вытесняли или вырезали, а вот эти совершенно реально жившие в Крыму народы разного вероисповедания, с особенностями в их культуре и языках взялись... Откуда? Очевидная абсурдность концепции «выжженной земли» заставляет некоторых авторов делать оговорки: «в Крыму в разное время обитали тавры и киммерийцы, скифы и греки, сарматы и римляне, готы, гунны, авары, болгары, хазары, славяне, печенеги, половцы, монголо-татары и крымские татары, итальянцы и турки. Их потомки живут на Крымском полуострове и сейчас» [1, с. 6]. Но неизбежно возникает вопрос: а кто они и где они, эти потомки? Все 3 миллиона нынешних жителей Крыма, в том числе приехавшие вчера?

Однако такое самое общее заявление не дает ответа на вопросы. А почему же тогда этой самой череды геноцидов и вытеснений не было? Каков механизм преемственности в этнокультурной истории Крыма? К какому/каким результатам нас приводит принятие и признание этой преемственности?

2. О методологических недостатках официального крымоведения

Предпосылками методологической слабости крымоведческих работ культурологического плана являются несколько изначально ущербных отправных точек анализа:

- исследования пытаются опираться практически исключительно на письменные и археологические источники. Без них, разумеется, не обойтись, но в крымской истории, в отличие от аккадской или древнеегипетской, существуют ее живые субъекты – участники, носители, преемники, наследники тех драм и трагедий, которые разворачивались на территории полуострова на протяжении тысячелетий – крымские татары, караимы, крымчаки. Не изучая их антропологию, традиционную экономику, обычаи, одежду, музыку, фольклор, жизненный уклад, традиции, языки и говоры и

т. д., неизбежно упускаешь огромный материал, отсутствие которого нельзя ни заменить, ни уравновесить никакими документами или осколками горшков из-под земли. Но это не случайность, а сознательный выбор «исследователей», еще до начала своих изысканий сознательно отделявших исследование крымской истории и культуры от ее все еще живых носителей, не желающих и не считающих нужным изучать ее за пределами раскопок и архивов;

- не менее сознательное игнорирование тюркского компонента в древней и средневековой истории Крыма. Причем, с одной стороны, это проявляется в сознательном отказе вовлекать в свои исследования тюркский материал, что часто заводит исследователя в тупик: смотрю, но не вижу. С другой, сознательное невежество исследователя в тюркских языках, культуре, истории вообще. Он не знает и знать не хочет: «А зачем оно мне надо?» Что нередко также заводит в непреодолимые дебри: вижу, но не понимаю;

- к этому прибавляется тесно связанная с первыми двумя факторами ни на чем по сути не основанная презумпция преобладания ираноязычной идентичности в кочевых культурах Причерноморья и Крыма. Это некий постулат, внесенный в свое время в советскую историографию ввиду политической необходимости «исторически оправдать» депортации тюркских народов крымско-кавказского ареала, застрявший в виде общего места в любых рассуждениях о крымской и северокавказской истории.

Поразительным образом одним из первых мыслителей, сбросивших эти шоры с глаз, был не официальный ученый, а поэт и художник Максимилиан Волошин, выразивший свое понимание крымской истории и идентичности в непревзойденной образно-эмоциональной манере:

«Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень –
Простор столетий был для жизни тесен...» [3].

Хотя нужно признать, что и его эссе «Культура, искусство, памятники Крыма» [4], написанное практически сто лет назад, по глубине своего понимания истории культурного процесса в Крыму и его связи с носителями становящейся крымской культуры до сих пор не просто актуально, а в значительной мере опережает труды официальных работников науки.

Главным методологическим преимуществом М. Волошина было как раз его вовлеченность в реальную жизнь коренных народов и культуру Крыма. Его как исследователя интересовали не только развалины прошлых тысячелетий и «сказанья старины глубокой», но само соприкосновение, наблюдение и осмысление действительности, в которой находились и которую творили носители и творцы крымской культуры.

3. О факторах и механизме возникновения и развития крымской культуры и ее носители/носителях

Крым, несмотря на свою исключительную красоту, привлекающую художников и туристов, воспеваемую сотнями поэтов и писателей, расположен в географической зоне, требующей внимательного и бережного обращения с природными ресурсами тех, кто живет в Крыму постоянно, а не приезжает сюда для отдыха и развлечения.

Так было всегда.

Развитие техники и знаний позволяет людям все более эффективно использовать природные ресурсы, а значит, и увеличиваться численно на территории Крыма. Однако существуют границы, переход через которые может породить достаточно сложные и не имеющие легких решений проблемы. С этим сталкивались и множество поколений прежних жителей Крыма, поэтому одной из составляющих крымской культуры еще на ранних стадиях ее развития было бережное и рачительное отношение к его природным возможностям и запасам. Это сказалось на особой «экологичности» традиционной крымской культуры. Если говорить о полезных ископаемых, то, с одной стороны, в Крыму есть много чего, но находится это в таких количествах и так распределено по территории полуострова, что для их использования нужны специальные технологии и оборудование, недоступные еще 100–200 лет назад. Да и, в принципе, вряд ли превращение Крыма в одну большую шахту или карьер отвечает интересам его жителей.

С другой, многое из того, что нужно жителям Крыма, отсутствует на полуострове. Так, например, в эпоху бронзы все изделия приходилось завозить из-за пределов полуострова, потому что на нем нет залежей меди и олова, без которых никакой бронзы получить нельзя.

Крым, как стало общепринятым говорить, очевидно делится на три природно-климатические зоны: побережье, горнолесную часть и степь.

Они отличаются не только температурой, но и множеством других важных условий: почвами, растительностью, наличием воды, путями сообщения, животным миром.

Это создавало свои «правила игры» для всех, кто жил на этих территориях.

Крымское побережье – теплая приморская зона, фактически – цепь бухт, отрезанных друг от друга скалистыми мысами и лесными зарослями, шириной в 1–2 км. Долгие тысячелетия общение между селами и городками Южного берега было гораздо удобнее по морю, нежели по лесным колдобистым тропам. Первая дорога вдоль берега была построена только в XIX веке. Еще А. Пушкин из Керчи плыл по морю сначала до Феодосии, потом до Гурзуфа.

Кто-нибудь видел на ЮБК поля, засеянные пшеницей или чем-то вро-

де этого? Это при нынешней агрохимии, тракторах и т. п. Кизилом, орехами, грибами и куропатками прожить было нельзя. Основными продуктами были рыба и морепродукты, все остальное приходилось выменивать на них у более северных или южных – из-за моря – соседей. Появившиеся значительно позже садовые насаждения, огороды и виноградники также давали больше предмет обмена – вино и фрукты, чем основу для собственного питания. Для них приходилось расчищать и выравнивать склоны, превращая их в террасы, подводить к ним воду из источников, годами удобрять и все время поддерживать в пригодном состоянии. Через какое-то время расширять их стало просто некуда.

Почти то же самое можно сказать про горнолесной Крым. Там жизнь попросторнее, есть древесина, но воды также не очень много, а небольшие поля с дополнением очень ограниченного в количестве домашнего скота когда-то, достаточно давно, заняли практически все пригодные для этого места. Знаменитые яйлы, крымские плоскогорья, даже по своему названию («яйляу», «джайляв» на крымскотатарском и других тюркских языках – «летование», «летовка») указывают на ограниченные возможности их использования. На зиму выпасаемый там скот нужно было перегонять в другое место и кормить его еще чем-то.

Крымская степь в древности и раннем средневековье была непригодной для земледелия из-за нехватки воды и засухоустойчивых культур. Для скотоводства ее самой по себе было недостаточно. 2–3 месяца весной – ранним летом, когда есть новая трава, потом полупустыня. А зимой еще и холод, бескормица для скота, отсутствие топлива и снова-таки воды. Поэтому крымские кочевники были не вполне «крымскими». Им всегда нужны были степи за перешейком, где они и проводили большую часть года, там и травы больше и с водой проблем нет, и в лесостепи хоть чуть-чуть, но легче с топливом. Если их запирали в Крыму, они немедленно слабли, как происходило с киммерийцами, потом со скифами и много раз повторялось позже.

Если взглянуть на Крым с точки зрения его сообщения с внешним миром, видно, что в Крым / из Крыма ведут три основных пути. Посуху – через перешеек, почти посуху – через Керченский пролив и по морю. Сам Крым напоминает мешок. В него легче попасть, чем выйти из него, особенно, если входы заблокированы.

Сухопутное сообщение более быстрое и эффективное, но оно подвержено множеству рисков, связанных с ситуацией вокруг Крыма. Сообщение по морю, более спокойное, стабильное, но гораздо более медленное и менее эффективное в смысле доставки необходимых Крыму товаров или вывоза их из него.

Вкупе с природными условиями Крыма это создавало, да и сейчас поддерживает ситуацию, когда Крым заинтересован в постоянной транзитной

торговле, когда все, чего ему не хватает, он должен завозить, в том числе издалека. А в обмен на это вывозить не только свои собственные товары (которых может и не быть), а служить перевалочной базой для передачи других товаров, тоже завозимых издалека.

Полуостров всегда было относительно легко захватить, так как его собственное население и ресурсы были недостаточны, чтобы противостоять внешней экспансии, но достаточно трудно было удержать, по этим же самым причинам. За пределами Крыма относительно легко было собрать большую армию (не обязательно профессиональную – просто вооружённую толпу), которая бы многократно превосходила по численности защитников полуострова. Поэтому почти все вторжения заканчивались успешно. Однако большая армия или масса захватчиков, победив, оказывалась перед вопросом: а что делать дальше? Можно было, разорив местное население или даже перебив его, продержаться, используя награбленное (особенно продукты) несколько недель или месяцев. А дальше? Золото или шелка невозможно есть, воды в Крыму всегда было недостаточно. Даже после самого успешного вторжения основная масса захватчиков вынуждена была уходить из Крыма, причем надолго, – чем сильнее Крым ограбили, тем дольше это невозможно было повторить. Если по каким-то причинам какая-то часть захватчиков оставалась, то меньше, чем жившее в нем до вторжения население, потому что разоренное хозяйство не могло давать столько продукта, как до войны, его еще нужно было восстанавливать.

В древние времена и в средневековье крымские горы, хотя и не являются таким серьезным препятствием, как кавказские или центральноазиатские, при надлежащей обороне ставили перед армией вторжения дилемму (особенно это касалось степных конных народов, привыкших к мобильной войне в конном строю на открытой местности, а не к штурму горных укреплений и пешим переходам в горах, где невозможно было эффективно использовать лук, а схватку приходилось вести спешившись, большей частью небольшими группами или даже индивидуально): а стоит ли игра свеч? Что мы захватим во-он в той маленькой крепостце, из-за чего положим кучу народу и застрянем здесь надолго?

Для преимущественно земледельческих народов захват крымских гор также не представлял огромного интереса – пригодной к обработке земли в них было и есть мало, особенно если речь идет о реально «кормящих» культурах: просе, пшенице, ячмене. Захватывать горы, чтобы выращивать фрукты, точно не имело смысла, так было не прокормиться. Не проще ли было, забрав то, что удалось забрать на равнине и предгорьях, возвратиться туда, откуда пришли (надо иметь в виду, что военный грабеж считался на протяжении тысячелетий законной добычей практически у всех народов

и государств), или, максимум, остаться в той же степи или предгорьях, не мороча себе голову?

В горах поселялись те, кто не имел другого выбора (в такой ситуации были тавры, поскольку эффективное сельское хозяйство в крымской степи в ту эпоху было почти невозможно).

Вторая основная причина уйти в горы – спасение от захватчиков, когда выбирать особенно не приходилось. Но, разумеется, это могли быть относительно небольшие группы, не могло быть и речи о десятках тысяч или даже многих тысячах людей. Пережив нашествие, им приходилось возвращаться, как минимум, в предгорья и как-то договариваться с захватчиками. Однако, что интересно, и «новые хозяева» были обречены на договорённости и компромиссы. И дело было не в гуманизме или высокой морали. Успешные завоеватели в массе своей не могли надолго остаться в Крыму – было просто негде и не на что. Оставались те, кто готов был по разным причинам изменить свой образ жизни, вплоть до бытовых привычек, на, условно говоря, «крымский».

Появление, пусть даже насильственное, нового населения или народов на какой-то территории вовсе не обязательно означает чисто механическую полную смену как самой человеческой популяции, так и культурной картины с одного этнического образца на другой.

Народы, поселявшиеся в Крыму, изменяли свой образ жизни и традиционную культуру с учетом местных природно-географических условий и учились друг у друга. Более того, в случае удачного завоевания, если только это не был просто грабительский набег, победившая сторона через некоторое время обнаруживала: чтобы жить в Крыму, нужно учиться у побежденных, перенимать их опыт, менять привычные стереотипы поведения и культурные образцы. Если ты победил и ограбил, на это можно было прожить месяц-другой. Но если оставался здесь жить на годы или навсегда, грабить было больше некого и нечего, нужно было начинать производить самому, причем так, как позволяла природа Крыма, а не так, как привыкли, может быть, десятки поколений предков. А кто лучше всех знал, как это сделать? Да вчерашние проигравшие, потому что именно они жили здесь уже столетиями и «обкатали» наиболее оптимальные формы и способы жизни. Начиная от архитектуры, заканчивая одеждой и орудиями труда.

Известен пример из XIX века, когда первое поколение эстонских колонистов, прибывших в Крым, стало строить привычные им островерхие дома в несколько этажей. Это подходило для климата Прибалтики, где много дождей и снега и много строительного материала и топлива – древесины.

Но для Крыма эти дома оказались совершенно неподходящими. Эстонские поселения в Крыму располагались в степи. Дома были холодные, отапливать их было нечем. Островерхие крыши требовали ухода без всякой

пользы для жизни. Второе поколение эстонцев стало строить дома по образу и подобию традиционной крымской архитектуры, не очень высокие, одноэтажные, с плоскими крышами и т. п. Национальное эстонское осталось в интерьере, но и оно оказалось адаптированным к условиям и возможностям жизни в Крыму. Были ли эти дома крымско-эстонского образца такими, какими они были, например, у крымских татар? Не вполне. Были ли они такими, как у эстонцев в Эстонии? Тоже нет.

В древние времена происходило примерно то же самое, но, конечно, оно касалось не только архитектуры или, скажем, посуды, а всех проявлений культуры.

Есть еще один щепетильный момент, обычно не вполне проговариваемый в литературе в связи со своей некоей «скабрзностью». Одним из последствий военной победы любого завоевателя в те времена (а жизнь показывает, что и по настоящее время, несмотря на все правовые стандарты по защите гражданского населения, закрепленные в современном международном праве) были массовые изнасилования. Изнасилование осуждается современным обществом как одно из тяжких преступлений против личности, соответствующие нормы есть в законодательстве практически всех государств. Однако это не отменяет фактов. Один из основоположников современной теории этногенеза Лев Гумилев в своем интервью газете «Молодежь Якутии» (Якутск) 30 марта 1989 года говорит: «Современные армяне – армяне только по культуре, а по этническому содержанию, наполнению они – смешанный народ. Там были арабы, сельджуки, османы, персы, римляне, греки, русские. Были войны, солдаты насиловали женщин. Это было массовое явление. Почему-то считается неприличным об этом говорить. А в результате произошла полная смена этнического наполнения армянского и других древних народов. Поэтому они и существуют, но современные армяне, евреи, корейцы – это этнически уже другие народы, хотя культурные традиции остались» [7]. Это относится не только к армянам, а практически к любому народу земли, подвергнутому в своем прошлом нашествию извне и потерпевшему поражение. Вряд ли есть народы, за всю свою историю избежавшие этого. То есть можно более-менее уверенно утверждать, что это касается любого народа. В чисто биологическом плане последствием массовых изнасилований является массовое рождение детей метисного типа, их матери – представители покорённого или разбитого народа, отцы – вчерашние завоеватели и насильники.

Однако уже в течение ближайших ста лет взаимоотношения внутри этой общности существенно изменяются. Насильники, оставшиеся жить на этой земле, если вместе с ними не было их семей (а при продолжительных и далеких завоевательных походах их быть не могло), по совершенно есте-

ственным причинам не могут все время заниматься насилиями и грабежом. Им приходится переходить к производительному труду (не считая, может быть, очень немногочисленной знати) и заводить семьи. Дети во втором-третьем поколении становятся наследниками и культуры, и генетики, и языка своих родителей.

Если они даже перенимают этническое название победителей (что чаще всего и происходит: если готы победили скифов, то как будут называться те, кто ведет свое начало от победителей?), по крови, антропологии, воспитанию, они уже не совсем те, кто завоёвывал родину их предков. Здесь просто невозможно проследить все последствия такого смешения генетики и культур, но понятно, что возникает некая новая культура, частично вбирающая культуру родителей, частично что-то утрачивающая. Через два-три века в условиях отсутствия регулярного всеобщего образования (а так было вплоть до XIX–XX вв.), всеобщего обучения истории и т. п. у новых поколений складывается впечатление, что так было всегда и по-иному и быть не может.

Новая культура заявляет о себе как о самостоятельной и существующей самой по себе. Воспоминания остаются в фольклоре, в легендах, сказаниях, некоторых странных и необъяснимых обычаях, орнаментах, мелодиях, некоторых блюдах и напитках, характерных для данной местности, и тому подобном.

Все, кто в разные эпохи жили в Крыму, даже если они появлялись на полуострове в качестве завоевателей или мигрантов, очень быстро вынуждены были переходить к поддержанию мирных отношений с соседями, да и в самом Крыму, и к установлению взаимовыгодной торговли, без чего в Крыму было не выжить. Так географические условия влияли на поведение людей, живших в Крыму, и создавали некоторые общие черты и особенности крымской культуры, отличавшие ее от других культур, в том числе соседних регионов.

Это все приходится учитывать, когда мы говорим или пытаемся понять особенности «крымских» народов, начиная с античных времен. Сведения об этих народах встречаются во множестве древнегреческих источников, частично их культура изучается по археологическим остаткам поселений, погребений и других сооружений, дошедших до наших дней. Однако до сих пор остается неясным вопрос об их этнической идентичности: родственниками каких современных народов по языку, расово-антропологическому типу они были. Сама огромная удаленность по времени и отсутствие «прямых» потомков этих народов в настоящее время делает очень трудным понимание особенностей их культуры и мировоззрения (хотя иногда сохранились прекрасные образцы художественной культуры – знаменитый скифский «звериный стиль»).

Нужно принять во внимание, что само современное понятие «народ» (при всей его многозначности) в древности и средневековье не совсем совпадало с нынешним его пониманием (чаще всего, население страны, географической области или государства). Очень часто бывало, что племена или союз племен, близкородственные по языку, внешнему облику, религии, обычаям, способу хозяйствования, живущие на соседних территориях, сами не считали себя одним народом, часто враждовали и воевали друг с другом. И наоборот, полностью несходные между собой этнические общности, имеющие разное происхождение, образ жизни и т. п., кем-то из древних авторов обозначались как один народ, потому что он жил далеко от них, в глаза не видел, судил по слухам или неточным пересказам, да и не имел к ним большого интереса, поскольку они не входили в круг проблем, с которыми ему или его народу приходилось сталкиваться.

Бывали и смешанные по этническому составу народы, когда какое-либо сильное племя подчиняло себе соседей, в том числе абсолютно непохожих на себя, и заставляло их действовать в рамках задач, которые ставили перед собой победители. Так, например, было с гуннами, народом первоначально азиатско-сибирского происхождения, которые за время проживания в Восточной Европе покорили огромное количество местных племен и создали на этой основе Гуннское государство. Для людей, не знавших всей этой предыстории, любой выходец из этой державы был гунном, а походы на Западную Европу были гуннскими походами.

Это становится понятнее, если увидеть, что в современном мире часто происходит то же самое. Например, германоязычные народы живут и составляют большинство, по крайней мере, в трех европейских государствах – Германии, Австрии и Швейцарии. Английский язык является не только государственным, но и реально языком большинства населения в Великобритании, США, Канаде, Австралии, несмотря на всю разницу в этническом составе населения этих стран и при том, что они считаются разными народами и разными государствами. То же самое можно сказать и про испанский язык и испаноговорящую часть человечества. Более того, можно посмотреть и на последующие тенденции в этой картине. Например, испанский язык постепенно стает вторым по значимости языком в США, а китайский третьим (после французского) в Канаде. И кто его знает, к чему это приведёт лет через сто.

С другой стороны, если по каким-то причинам лидирующее племя утрачивало свою роль в результате военного поражения, миграции, ассимиляции т. п., часто получалось, что эта общность племен раскалывалась на какие-то новые союзы или на первые позиции выдвигался другой этнос, и «неожиданным» образом на месте прежнего «народа» как будто ниоткуда

да возникал новый, с новым именем или правящей династией. При этом и само население, и его культура оставались практически прежними.

Исчезновение упоминания какого-либо народа в каких-либо документах не всегда в истории означало его физическое исчезновение. Он, по разным причинам, мог просто уйти из поля зрения последующих авторов, выступить под новым названием, ассимилироваться или слиться с другим народом, давая начало новому этносу. Иногда это могло быть следствием каких-либо политических событий. Так, например, в советское время национальные названия «крымские татары» и «крымчак» были исключены из всех документов со специальной целью – скрыть существование этих народов; во время переписи и при внесении сведений в личные и статистические документы представители этих национальностей записывались под другим названиями. Как выяснилось через 50 лет, оба эти народы существуют, хотя такая политика, конечно же, нанесла им урон.

Есть и другой важный фактор. Человечество, кроманьонцы, возникли на сотни тысяч лет раньше античности. Это нам она кажется древностью, а на самом деле мы являемся едва ли не современниками тех событий, если брать общий возраст человечества. К этому времени человек расселился по всем континентам, во всех природно-географических условиях, скольконибудь пригодных для его жизни.

Длительная изоляция больших человеческих популяций привела к значительным генетическим различиям, что внешне проявилось в возникновении человеческих рас, довольно-таки сильно и наглядно отличающихся друг от друга. Ко времени, которое мы рассматриваем, начался обратный процесс: человечество, наполнив географическое пространство, стало уплотняться, вновь перемещаться, разделенные столетиями и тысячами километров человеческие популяции стали перемещаться, вновь соприкасаясь друг и с другом. Эти соприкосновения иногда вели к войнам и попыткам вытеснить, иногда, а часто наряду с этим и одновременно с этим, к смешению разных расовых типов. Появились огромные популяции, состоявшие из метисов, которые в свою очередь смешивались с другими. Наряду с биогенетическим смешением происходило и языково-культурное. В результате получалось так, что некоторые народы, говорившие на одном или близких языках и обладавшие сходной культурой, состояли из разных расовых групп. Но, с другой стороны, люди одной расы оказывались в культурном отношении представителями разных народов. Все это происходило практически постоянно, за исключением групп, оказавшихся почему-либо в географической изоляции от других, но неравномерно. В каких-то регионах Земли это шло бурно, в других медленно. В некоторых случаях новые культуры, возникавшие из смешения и заимствований, чередовались и исчезали с калейдоскопической быстротой, в других они, как-будто застывали на столетия. По-

сколько пути и время перемещения, смешения и исчезновения этих групп до сих пор в точности не известны, это создает дополнительные трудности в понимании, кто есть кто и почему.

К свидетельствам древних и средневековых авторов постоянно примешивались мифы и фантастические образы, произвольные домыслы их источников и вольные интерпретации самих писателей. Сказывалась и такая черта (присущая, кстати говоря, и современным исследователям), когда малоизвестные или малопонятные феномены чужой культуры пытались объяснить или отождествить с тем, что было присуще культуре своего народа, привычной и понятной. Например, когда эллинские авторы указывали, что скифы поклоняются Зевсу, уподобляя ему сына верховного бога скифов Таргитая, надо осознавать, что это была достаточно произвольная интерпретация и определенная доза эллинского шовинизма, считавшего всех неэллинов варварами, а потому не способными к полноценному самостоятельному культурному развитию. Так же оценивался и внешний облик: подходят под наши каноны красоты – молодцы, отличаются – уроды.

Хотелось бы, чтобы историческая наука смогла дать ответы на многие интересные современного человека вопросы, касающиеся жизни древних народов в том числе в Крыму, но до этого пока еще далеко. А существующие к настоящему времени факты и теории требуют достаточно осторожного обращения и восприятия, учитывающего возможность ошибок и оговорок, на некоторые из которых мы здесь указали.

Однако матрица взаимодействия между «местными» и «пришельцами» в Крыму сложилась еще в глубокой древности и потом десятки раз воспроизводилась с завидным постоянством на протяжении нескольких тысяч лет. Ее можно было бы описать в следующем виде:

1. Первое знакомство. Живущие в Крыму этносы впервые сталкиваются с представителями этносов/народов из-за пределов Крыма, прибывающих на полуостров в виде гостей, торговцев, военных разведчиков. В свою очередь этносы/народы, приблизившиеся к полуострову в результате предыдущих миграций или расширения своей территории, также знакомятся с жителями и условиями жизни в Крыму. В этот период они выступают друг по отношению к другу как внешние, чуждые друг другу народы и культуры, контакты между которыми задаются их собственными интересами – торговля, грабительские набеги, политические союзы.

2. Этнос/народ (чаще всего не весь, а какая-то часть) из-за пределов Крыма принимает решение и вторгается в Крым военным образом. Причиной такого вторжения является обычно нехватка или исчерпание территории для расширения ареала проживания этноса за пределами Крыма. Местные народы/этносы Крыма оказывают сопротивление захватчикам, чаще всего безуспешное.

3. Местная культура в значительной степени разрушается, хозяйство приходит в упадок, численность местного населения сокращается в результате гибели или бегства за пределы Крыма. Однако при этом практически никогда процесс разрушения и депопуляции не достигает абсолютного конца.

4. Результатом становится некое переходное состояние, когда победившие пришельцы на какой-то период становятся политически доминирующим компонентом в Крыму. Очень недолгое время они сохраняют численное превосходство, однако значительной или даже большей их части приходится покинуть территорию полуострова, потому что природные ресурсы и возможные способы хозяйствования в условиях полуострова в каждую историческую эпоху не позволяют постоянно находиться/проживать в нем населению более некоторой предельной величины.

5. В течение последующих (примерно) двух веков или семи поколений происходит процесс антропогенетического смешения/метисации и аккультурации «пришельцев» и «местного населения», результатом чего является:

а) в значительной степени усвоение пришельцами местной культуры, способа хозяйствования, образа жизни и культуры, сначала материальной, а вслед за ней и духовной, а также в определённой мере усвоение местным населением достижений пришлой культуры, адаптированной к условиям полуострова;

б) возникновение нового расово-антропологического типа на базе смешения генетики пришельцев и местных, проявляющегося, в соответствии с законами генетики, как в возникновении некоего смешанного/метисного фенотипа, так и в отдельных случаях проявлении внешнего вида предков, как пришельцев, так и от местных;

с) изменение языка и/или возникновение нового языка, говоры которого несут в себе влияние языков-предков как в лексике, так и в произношении и грамматике.

6. Совокупным результатом этих изменений становится постепенное становление новой этнокультурной идентичности – возникновение нового крымского народа/народов/этносов, внешним социально-психологическим проявлением чего выступают:

а) новое этническое самоназвание;

б) ощущение своей «местности», «крымскости», отличающей этот этнос от близкородственных этносов/народов, проживающих за пределами Крыма, и даже от своих относительно недалеких предков, историческая память о которых сохраняется, в том числе в фольклоре, устном творчестве, письменных источниках и т. п.

с) чувство консолидации и единства перед лицом вызовов и угроз, которые появляются перед этим этносом/народом из-за пределов Крыма;

д) совместное противостояние или сопротивление «новым» пришельцам, если таковые появляются в исторической перспективе.

7. Дополнительной, но очень важной характеристикой традиционной крымской культуры стала выработанная в ходе столетий и повторения этой матрицы межэтнического взаимодействия внутрикрымская языковая, культурная, социальная, расовая и конфессиональная толерантность.

Список литературы

1. *Андреев А. Р.* История Крыма / А. Р. Андреев. (Имперские славянские хроники), «История Крыма». М., 2002. 290 с. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138050 (Дата обращения: 04.09.2021)
2. *Бакалай М.* Крым. Полная история. Режим доступа: https://aldebaran.ru/author/bakalayi_makar/kniga_kryim_polnaya_istoriya/read/pagenum-3/ (Дата обращения: 04.09.2021)
3. *Волошин М.* Дом поэта. Режим доступа: <https://www.culture.ru/roems/33394/dom-poeta> (Дата обращения: 04.09.2021)
4. *Волошин М.* Культура, искусство, памятники Крыма. Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=11431> (Дата обращения: 04.09.2021)
5. История Крыма: в 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. И90. 600 с.
6. Кто вы «армяно-кипчаки»? Режим доступа: <https://www.gumilev-center.ru/kto-vy-armyano-kipchaki/> (Дата обращения: 04.09.2021)
7. *Муран А.* Лев Гумилев о прародине якутов. Где она? // Молодежь Якутии. 1989. 30 марта. Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/lev-gumiljov-orrarodine-yakutov-gde-ona/> (Дата обращения: 04.09.2021)
8. От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2004. 288с.
9. *Панов А.* Расследование. Греческий исход из Крыма. Режим доступа: <https://diletant.media/blogs/70415/36824121/> (Дата обращения: 04.09.2021)
10. *Санин Г. А.* Крым. Страницы истории: пособие для учителей общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2015. 80 с.
11. *Соколовский С. В.* Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М, 2016. Вып. 250. 69 с.

Сведения об авторах: Бекиров Надир Валериянович, кандидат философских наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова» (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); nadirbekirov@yandex.com

Шакуров Фарит Наилович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета (420111, ул. Пушкина, 1/55, Казань, Российская Федерация); faritshakur@yandex.ru

The influence of the natural and geographical specifics of Crimea on the formation of some characteristic features of traditional Crimean culture: matrix of interaction between “Local” and “Alien” ethnic groups on the peninsula

Nadir Bekirov

(SBEEHE RC “Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University”)

Farit Shakurov

(Institute of International Relations. Kazan Federal University)

Abstract. The usual Crimean studies have formulated a concept of lack of the genesis of traditional Crimean culture due to its approach to an ethnic history of Crimea as a replacement of a number of various and distinguished substituting ethnic groups with neither biogenetic nor cultural and linguistic continuity between them. That point was artificially implanted by the political reasons as a scientific pseudo-justification of the en-masse deportation of some Indigenous Peoples of Crimea and Northern Caucasus realized by the Soviet Power in 1940s. However, the attentive studying of the historical process in Crimea during the thousands of the years, inevitably leads to the conclusions that there were not series of total genocides among ethnic groups populating the territory of the Crimea in different times. Despite of military clashes, invasions, periodical conquests, the very natural and geographical conditions of the peninsula predetermined the inevitable involvement of different ethnic groups in economic, cultural, political, and biogenetic, and eventually even kinship relations. This was main way how a new stage of Crimean culture and inhabitants was being formed during centuries. This was the fundamental tendency of the genesis of the traditional Crimean culture and indigenous peoples of the Crimea, mainly formed by the end of the 18th century. The mechanism of the impact of these factors and the resulting matrix of interaction between the “local” and “newcomer” ethnic groups in the Crimea is analyzed in this article.

Keywords: Crimean culture, Indigenous Peoples of the Crimea, Crimean Studies, interethnic interaction, Crimean Tatars, Crimean Karaites, Krymchaks, Urums, Rumeys, Crimean Armenians, Armenian-Kipchaks, Crimean Christians.

For citation: Bekirov N. V., Shakurov F. N. The influence of the natural and geographical specifics of Crimea on the formation of some characteristic features of traditional Crimean culture: matrix of interaction between: “Local” and “Alien” ethnic groups on the peninsula. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2021, no. 2, pp. 115–133. DOI: 10.22378/kio.2021.2.115-133

REFERENCES

1. Andreyev A. R. *Istoriya Kryma* [History of the Crimea]. “History of the Crimea”. Moscow, “White Wolf”. 2002. 290 p. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138050 (last accessed: 04.09.2016) (In Russian)
2. Bakalay M. *Krym. Polnaya istoriya*. [Crimea. A complete history]. Available at: https://aldebaran.ru/author/bakalayi_makar/kniga_kryim_polnaya_istoriya/read/ (last accessed: 04.09.2016). (In Russian)
3. Voloshin M. *Dom poeta*. [The poet’s house]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/33394/dom-poeta> (last accessed: 04.09.2016). (In Russian)
4. Voloshin M. *Kul'tura, iskusstvo, pamyatniki Kryma*. [Culture, art, monuments of the Crimea]. Available at: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=11431> (last accessed: 04.09.2016). (In Russian)
5. *Istoriya Kryma: v 2 t.* [History of the Crimea: in 2 vols]. Ed. by A. V. Yurasov. Moscow: Kuchkovo Pole, 2019. V. 1.–190. 600 p. (In Russian)
6. *Kto vy «armyano-kipchaki»?* [Who are you “Armenian-Kipchaks”?] Available at: <https://www.gumilev-center.ru/kto-vy-armyano-kipchaki/> (last accessed: 04.09.2016). (In Russian)
7. Muran A. *Lev Gumilev o prarodine yakutov. Gde ona?* [Muran A. Lev Gumilev about the homeland of the Yakuts. Where is it?]. *Molodezh' Yakutii* [Youth of Yakutia]. 1989. 30 March. Available at: <http://www.gumilev-center.ru/lev-gumiljov-o-prarodine-yakutov-gde-ona/> (last accessed: 04.09.2016). (In Russian)
8. *Ot kimmeriytsev do krymchakov (narody Kryma s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.)* [From the Cimmerians to the Krymchaks (Peoples of the Crimea from Ancient Times to the End of the 18th Century)]. 2nd ed., revised and supplemented. Simferopol: DOLYA Publishing House, 2004. 288 pp. (In Russian)
9. Panov A. *Rassledovaniye. Grecheskiy iskhod iz Kryma*. [Investigation. The Greek Exodus from the Crimea]. Available at: <https://diletant.media/blogs/70415/36824121/> (last accessed: 04.09.2016). (In Russian)
10. Sanin G. A. *Krym. Stranitsy istorii: posobiye dlya uchiteley obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [Sanin G. A. Crimea. Pages of History: Handbook for Teachers of

General Education Organizations]. Moscow: Prosveshcheniye publ., 2015. 80 p. (In Russian)

11. Sokolovskiy S.V. *Politika priznaniya korennykh narodov v mezhdunarodnom prave i v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [Policy of recognition of indigenous peoples in international law and in the legislation of the Russian Federation. Studies in applied and urgent ethnology]. M., IAEA RAN, 2016. Isse. 250. 69 p. (In Russian)

About the authors: Bekirov Nadir Valeriyovich – Cand. Sci. (Philosophy), Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines at the SBEEHE RC “Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University” (295015, Simferopol, Uchebnyy lane, 8, Russian Federation) nadirbekirov@yandex.com

Shakurov Farit Nailovich – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (420111, Kazan, Pushkin Str, 1/55, Russian Federation); faritshakur@yandex.ru